

С. С. Дубова
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
dubovasvetlanas@gmail.com

А. С. Смирнова
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
asmirnova@iling.spb.ru

**«СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ»
М. В. ЛОМОНОСОВА:
лексический аспект двуязычного текста¹**

Статья посвящена латинско-русским соответствиям и приёмам перевода на примере «Слова похвального Елисавете» М. В. Ломоносова. Отмечено, что в латинском варианте «Слова» автор достаточно точно следует оригиналу, главным образом используя лексику, свойственную языку классического периода, а также слова, закрепившиеся в языке авторов Нового времени, однако обнаружено употребление некоторых латинских слов в значении, не зафиксированном в словарях; в некоторых случаях в параллельном тексте заметны созвучные соответствия, занимающие во фразе начальную позицию (инде — inde, видит — videt и др.). Показано, каким русским конструкциям соответствует Abl.absolutus. Различия между русским и латинским текстами «Слова» зачастую касаются синтаксических конструкций или объясняются, вероятно, необходимостью добавить или выделить какую-то деталь в силу того, что латинский текст составлялся для другой, иностранной, аудитории. Несомненно, что при сочинении латинского варианта «Слова» М. В. Ломоносов опирался на античные образцы и заимствовал определённые лексические клише, как это было традиционно среди авторов-гуманистов. В пору, когда латинский язык уже уступал место национальным языкам, двуязычный текст «Слова похвального Елисавете» показывает, что и русский язык также обладает всеми средствами, чтобы выразить то, что в Европе издавна выражали на латыни.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, панегирическая литература, переводная литература XVIII в., латинско-русские соответствия

¹ Некоторые наблюдения о лексике этого текста были сделаны ранее в статье Smirnova 2020: 562–575.

S. S. Dubova

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
dubovasvetlanas@gmail.com

A. S. Smirnova

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia. asmirnova@iling.spb.ru

M. Lomonosov's "Panegyricus Elisabetae": lexical aspect of a bilingual text

The article focuses on Latin-Russian equivalents and translation methods in the context of Mikhail V. Lomonosov's *Panegyricus Elisabetae*. The Latin version closely follows the original Russian text by means of Classical Latin lexicon, as well as words peculiar to Neo-Latin authors. However, there are certain Latin words whose meanings are not covered in dictionaries. In some cases the parallel text is notable for assonant equivalents in the initial position of a phrase (инде — inde, видит — videt etc.). The article also points at Russian constructions corresponding to Abl. absolutus. When the differences between the Russian and Latin versions do occur, oftentimes they relate to syntactic constructions or may be explained by the need to add or emphasize a certain detail, since the Latin text was written for a foreign audience. There is no doubt that, while composing the Latin version of the *Panegyricus*, M. Lomonosov relied on classical examples and borrowed specific lexical stock phrases, as was common among humanist authors. At the time when Latin was yielding to national languages, the bilingual text of *Panegyricus Elisabetae* demonstrates that Russian language too had all the means to express the matters which in Europe had long been expressed in Latin.

Keywords: M. V. Lomonosov, panegyrical literature, translated literature of the XVIII century, Latin-Russian equivalents

К запланированной на 6 сентября 1749 г. первой торжественной ассамблее² в апреле того же года М. В. Ломоносову было поручено сочинить на русском языке похвальную речь императрице Елизавете Петровне (Materialy 1897: № 871, 717–718). К началу августа его речь была готова (Materialy 1900: №102, 65), одобрена президентом Академии наук К. Г. Разумовским и отправлена в печать. После этого И. Шумахер предложил Ломоносову до начала сентября сделать перевод текста на латинский язык. К 31 августа Ломоносов успел перевести только половину речи (в протоколах Конференции АН несколько раз сообщается, что в конце августа и до середины сентября

² Согласно Регламенту 1747 г., Петербургская Академия наук должна была устраивать ассамблеи для демонстрации научных достижений; предполагалось, что из двух выбранных академиков один будет публично читать диссертацию на латинском языке, а другой — на русском (PSZRI 1830: 734 (№ 9425, 29)).

он не присутствовал на заседаниях, так как болел: “pedibus laborat”³), однако 3 сентября стало известно о переносе события на 25 ноября, и латинский текст создавался еще весь сентябрь; известно, что к 23 ноября он был отпечатан (Lomonosov 1959: 955–956).

Сочиненное Ломоносовым к императорскому торжеству «Слово похвальное Елисавете» (Panegyricus Elisabetae) является, пожалуй, единственным литературным произведением⁴, написанным в прозе на русском языке и переведенным на латинский язык в России в XVIII в.⁵. Эта особенность «Слова» делает его памятником сразу двух литератур — русской и ново-латинской⁶.

³ Protokoly 1899: 207–208.

⁴ Безусловно, «Слово» Ломоносова нельзя воспринимать иначе как художественное произведение: наряду с упоминаниями исторических фактов и событий в нем представлены такие персонажи, как Церковь и Россия, обращающие свои монологи соответственно к Иисусу и к Елисавете Петровне, также сама императрица произносит в «Слове» речь, обращенную к учащимся.

⁵ В первой половине XVIII в. на русском и латинском языках сочинялись также некоторые «слова-проповеди», например: Гедеон (Вишневецкий) «Песнь приветственная государю Петру Великому от московской академии» (1724); Амвросий (Юшкевич) «Божие благословение в природных трех сокровищах ея высочества государыни принцессы Анны и светлейшаго князя и государя Антона Улриха герцога Брауншвейгскаго и Линесбургскаго: Пребывающее в день же высочайшаго брачного их сочетания июля 3 1739 года», на латинский язык перевел В. Тредиаковский. Другие автопереводы авторов XVIII в. — Прокоповича, Миллера и др. — являются либо поэтическими, либо научными сочинениями.

⁶ После 1749 г. похвальная речь Елисавете несколько раз перепечатывалась на русском языке: в 1751, 1755, 1757 гг., а латинскую версию речи высоко оценил тогда Л. Эйлер (Lomonosov 1959: 8, 954 и 957), недавно она была переиздана в составе материалов конференции «Классическая филология в контексте мировой культуры — IX» (Panegyricus 2016: 87–104). В 8-м томе Полного собрания сочинений латинский перевод «Слова» напечатан вслед за русским текстом под номером 155 (Lomonosov 1959: 8, 257–272), а в новейшем полном собрании сочинений Ломоносова, изданном в 2011 г., все латинские тексты приложены в цифровом варианте. Таким образом, текст «Слова похвального Елисавете» ни разу не был напечатан билингвой несмотря на то, что латинский текст — версия русского: двуязычный текст мог бы войти в круг интересов исследователей словесности XVIII в. и, в частности, тех, кто интересуется вопросами перевода.

Как окказиональное сочинение «Слово похвальное Елисавете» представляет собой образец типичного для России сер. XVIII в. литературного произведения, подробно о жанровом своеобразии ломоносовского «Слова» в ряду панегирических слов и од XVIII в. см. работу Е. М. Матвеева⁷. Ориентация Ломоносова на античные примеры ранее была исследована М. Т. Каченовским, который рассматривал «Слово» как образец риторического сочинения (общий план того, что может быть включено в панегирик, содержится в «Кратком руководстве к риторике» (1744), планируемая Ломоносовым полная инструкция для написания ораторской прозы, вероятно, осталась ненаписанной⁸), он выделил в «Слове» риторические приемы и фигуры, перечислил и рассмотрел все добродетели императрицы Елизаветы Петровны, которые Ломоносов прославлял в своей речи (благочестие, мужество, великодушие, мудрость, человеколюбие, милосердие и щедрость), а также обнаружил параллельные места из «Панегирика» Плиния Младшего⁹. М. И. Сухомлинов издал «Слово» в «Собрании сочинений М. В. Ломоносова», опираясь в своих примечаниях на исследование Каченовского, он добавил параллельные примеры, послужившие, по его мнению, источником для панегирика. Более чем через сто лет после Каченовского Я. М. Боровский обратился к изучению «Слова» и заметил, что в черновой набросок русского текста включены латинские фразы, имеющие характер заголовков, и вся образная система и синтаксическая структура русского оригинала — во многом являющиеся кальками латинских классических образцов — блистательно воспроизведены адекватными латинскими средствами¹⁰. Недавние исследования «Слова» посвящены следующим частным вопросам: И. Клейн рассматривает «Слово» Ломоносова в политическом аспекте (Klein 2015); А. А. Костин сопоставляет и производит подсчет употребленных Ломоносовым в двух версиях речи форм превосходной степени (Kostin 2014).

Задачей авторов данной статьи является изучение латинского текста ломоносовского «Слова похвального Елисавете» как варианта русского, в центре проблемы находятся латинско-

⁷ Matveev 2009: 83–119.

⁸ Budilovich 1869: 111.

⁹ Kachenovsky 1812: 82, 90–91.

¹⁰ Borovsky 2009: 317–319.

русские лексико-синтаксические соответствия параллельного текста и приемы перевода.

В своих латинских сочинениях Ломоносов, как правило, пользуется латинской лексикой классического периода (примеры аллюзий к римской литературе см. у Каченовского и Сухомлинова), но отдельные (редкие) слова (особенно это относится к терминам) им переосмыслены и используются в другом значении.

Ломоносов использует эквивалентную тактику перевода, это наблюдается как в его переводах (своих собственных сочинений и — других авторов) с латинского языка, так и в его переводах на латынь, ср.:

<i>Естьли бы в сей пресветлый праздник, Слушатели, в которой под благословенною державою всемилостивейшия Государыни нашаея</i>	<i>Quodsi hoc illustri solemnique die, Auditores, quo sub faustissimis auspiciis clementissimae Principis nostrae</i>
<i>Часто мысленный взор наш, обозрев разные торжеств образы, благословенное Ея владение в день сей украшающие</i>	<i>Saepius animus noster, perlustrata solemnum varietate, qua felicissimum Russiae Imperium hodie exornatur</i>
<i>приносится благодарение Государыне премилосердой — свидетельствует безчисленное множество свободенных от смерти и данный Ей от бога меч на казнь повинных, кровию еще не обогренный</i>	<i>aguntur gratiae Dominae clementissimae: testis est innumerabilis multitudo liberatorum a mortis poena, et concessus Illi a Deo gladius ad punienda crimina nondum sanguine humano tinctus</i>

Синтаксические различия в двуязычном «Слове» касаются прежде всего тех случаев, когда в тексте появляются несуществующие в языке оригинала или в языке перевода грамматические категории, таковыми являются, например, русские деепричастия: в латинском переводе они выражаются то придаточным предложением с *cum* (*видя пришествие Петровой Дщери — cum Petri Filiam venire sentirent*; *взирая на обновляющуюся Россию — cum renovari a se Russiam contemplaretur*; *въезжая в побежденные грады и попирая поверженное неприятельское оружие — cum ingrederetur captas urbes, et projecta hostium arma calcaret*), то герундием (*превознося великую благодетельницу похвалами — ornando munificentissimam Dominam laudibus*; *проповедуя и превознося несравненныя*

Ея достоинства — praedicando atque celebrando divinas Illius dotes; не щадя своих иждивений — erogando largissimos sumptus), то оборотом *ablativus absolutus* (обозрев разные торжеств образы — *perlustrata solemnium varietate*; предписав полезные законы — *scriptis consentaneis legibus*; поручив их доброхотному Предстателю из своих ближайших — *demandata earum cura intimatorum suorum procerum benevolentissimo*). Латинский *ablativus absolutus* в «Слове» Ломоносова *patrio sermone* выражает отглагольные существительные (*Ея входом — Illa intrante, воссиял престол вступлением — collustratur thronus, ascendente*), а также словосочетание с предлогом «при» (*при окончании благословенной осени — decurrente beatissimo autumno*)¹¹. Все же при различии на грамматическом уровне каждое значимое слово получает эквивалент в переводе, и при кажущейся на первый взгляд разнице в версиях нередко оказывается, что в них совпадает даже количество слов:

споможение добродетельной скудости и восстановление нещастием разоренных — erecta opibus egens et fracta calamitate probitas.

Рассмотрим случаи, когда в латинском переводе есть добавление, например:

1. *возможно было нам, радостию восхищенным, вознестись до высоты толикой — fieri posset, ut nos laetitia elati, relicta terrarum sede, eo altitudinis pertingeremus.*

В латинской версии этого фрагмента описание взлета, или подъема на высоту, дано подробнее, добавлено начало действия: *relicta terrarum sede* (букв. «оставив насиженное место»). Стремление к благозвучию в обоих текстах очевидно: в русском тексте заметна аллитерация звука «в», в латинском — повтор “-l/-r-”.

2. *представил бы я Петра именем Великаго... трудами рабов своих превосходящаго — redigerem in memoriam vestram Petrum, nomine Magnum... laborum patientia servos suos vinceret.*

¹¹ Аналогичные примеры обнаруживаются в автопереводах естественнонаучных сочинений Ломоносова, напр.: *ingruente electrica nube — при наступлении электрического облака* (Lomonosov 1952: 3, 52–53); *orto aliquando nocturno lumine — при северном сиянии* (Lomonosov 1952: 3, 86–87); *durante pluvie — при дожде* (Lomonosov 1952: 3, 114–115).

В данном латинском фрагменте говорится не просто о *трудах* Петра I, но о его «выносливости» в них (*laborum patientia*), чем император превзошел своих подданных.

3. *когда купно с нами предстоящую... свою Самодержицу пред очами имеем! — quando Principem nostram simul nobiscum adstare altaribus... ante oculos habemus!*

В русском тексте этого фрагмента императрица стоит *с нами*, в латинской версии есть дополнительная деталь: *altaribus* (т. е. «перед алтарем»).

Приведенные примеры показывают, что действие или описание в латинском переводе представлены более подробно, возможно, потому что он создавался позднее. С другой стороны, дополнения, сделанные в переводе, могут показывать, что автор готовил два текста для двух разных аудиторий — отечественной и иностранной. В некоторых случаях, кажется, этим можно объяснить отсутствие параллельного перевода. Ср., например, непереуведенные в латинском варианте «Слова» фразы: *ревностными крылами мыслей возлетаем; кроткое наказание Ея злодеев*¹². Отметим случаи, в которых происходит как бы смещение акцента, например: *в преславных добродетелях — in laudibus celebrandis* (в лат. версии красноречие, талант и чувства действительно проявляют себя в восхвалении, а не в добродетелях объекта восхвалений); *несравненная Ея достоинства — divinas Illius dotes* (в лат. версии букв. «данные от бога» достоинства).

При сопоставлении двух текстов заметна тенденция автора поставить созвучные в двух языках слова в одинаковой начальной позиции, например:

<i>инде при радостном звуке мирнаго оружия достигают до облаков торжественные плески Российскаго воинства, показующаго свое усердие к благополучной и щедрой своей Государыне</i>	<i>inde insonare per aëra sociatos laetissimo pacificorum armorum fragori triumphales plausus Russiaci militis ardentissimum amorem erga felicissimam ac liberalissimam Dominam suam testantis</i>
<i>Там плователи, покоясь в безопасном пристанище, в радости волнение вспоминают и сугубым веселием день сей препровождают</i>	<i>tum nautam fidissima fretum statione superatos procellarum furores laeta memoria repetere, et geminato gaudio diem hunc celebrare</i>

¹² Современный иностранец на эту фразу в переводе отреагировал бы: I don't follow the point being made here: consider rephrasing for clarity?

<i>Vidum повсюду, как звезды небесныя, блистающая и Ею сияние свое умножающая церкви</i>	<i>Videt ut sidera coeli collucere ubique Divorum aras, sanctissimisque Ejus votis in dies magis magisque clarescere</i>
---	---

Выделенные нами русско-латинские соответствия грамматически совпадают, однако только последняя пара (*vidum* — *videt*) соответствует и по значению. Примеры с наречиями включены в подробное описание праздника, рус. указательные наречия *инде* и *там* в латинском переводе соответствуют многозначным наречиям, используемым при перечислении — *inde* («оттуда», «потом») и *tum* («затем»).

В выборе лексики для «Слова» и его латинского варианта автор находит соответствия и для фразеологических оборотов, например: *воздух наполняющая именованьем Елисаветы* — *Elisabetam ad sidera efferentes* (букв. «возносящие Елизавету до звезд», ср. Calp. 3, 42, etc. подробнее в OLD 1968: 1757, s. v. 7b). В другом примере фразе *при полных житницах* соответствует лат. *circum collectas sine strepitu fruges*¹³. Лат. *sine strepitu* (букв. «без шума») встречается в «Слове» еще дважды, при упоминании военных действий, сопровождающихся грохотом, шумом (*от военного шума* — *belli strepitu* и в ... *России, прозорливостию Монархини нашей успокоенной* — *Imperium, providentia Augustae ab armorum strepitu remotum*), в этих случаях уточнение — *belli, armorum* — помогает однозначно понять данные фразы. В естественнонаучных сочинениях Ломоносова лат. *sine (cum) strepitu* также встречается несколько раз¹⁴ и обозначает отсутствие (или сопровождение) звука, шипения — т. е. *circum collectas sine strepitu fruges* используется, вероятно, как фразеологическая единица: речь может идти о бесшумной (т. е. усердной?) работе собирателей или о том, что избыточное

¹³ Ср.: «sine strepitu» в средневековой латыни значит «без затруднений» (GMLS 1968: 467; Du Cange 1883–1887).

¹⁴ Ср., например: *calcem spiritus nitri solvit sine strepitu* (Lomonosov 1950: 1, 366) «селитряный спирт растворяет известь без шипения»; *[oleum vitrioli] cum spiritu vini rectificatissimo confusum sine strepitu jungitur* (Lomonosov 1951: 2, 246) «купоросное масло, смешанное с ректифицированным винным спиртом, соединяется без шума»; *Solut. Wismuti non diluta bruna obscura cum strepitu evasit* (Lomonosov 1951: 2, 430) «неразбавленный раствор висмута с шипением стал темно-коричневым» и др.

количество плодов плотно (между ними нет шума) собрано вместе.

Тенденция к употреблению лексики классической латыни приводила к появлению новых значений (в OLD, ThLL, в словаре новой латыни не зафиксированных)¹⁵, также в латинском переводе панегирика, например: *miseri* — *судимые*; *Sidus* — *просветитель* (о Петре I):

На нем <на лице Е. П. — авт.> истинное благочестие, веселящее церковь, на нем мужественную бодрость, укрепляющую воинство, на нем кроткое правосудие, пример судящим и отраду судимым дающее	<i>Ex hoc <ex Illius ore — авт.> enim veram pietatem delicias Ecclesiae, ex hoc masculinum vigorem militaris incitamentum virtutis, ex hoc clementem justitiam exemplum iudicum, et miserorum solamen</i>
Ты Дщерь моего Просветителя	<i>et Filia mei Sideris</i>

Слову *судимый*, или «ответчик», в классическом латинском языке эквивалентом было «*teus*», Ломоносов замещает его эпитетом *miser* (букв. «несчастный»), который в этом контексте оказывается антонимом слову *iudex* (*судящий*). В следующем примере рус. *Просветитель* переведено как *Sidus*, хотя самым близким эквивалентом является лат. «*illustrator*»; ср. подобные примеры также в самом тексте «Слова»: *просвещенная Россия — illustrata Russia; в просвещенной Петром России — in Russia, a Petro illustrata* и др. Вероятно, употребление лат. эквивалента казалось Ломоносову недостаточным для упоминания Петра Великого, для него этот император — «светило» (ср. Ovid. Pont. III, 2). Благодаря русскому оригиналу можно определить значение метафоры в латинском переводе.

В самом начале «Слова» для описания обширной панорамы торжества автор представляет всех слушателей взлетевшими от радости ввысь, далее «Слово» Ломоносова изрядно наполнено существительными, глаголами и фразами видения, ср. русско-латинские эквиваленты:

радуясь взирает — laetissimis oculis videt
ко всем человеколюбивая Государыня взор Свой обращает —
omnibus spectandam se praebet clementissima Princeps
всяк видит — spectant omnes
не озираются беспрепятственно — non timidos oculos circumferunt
перед очами имеем — ante oculos habemus

¹⁵ Hoven 2006: English introduction, XIX.

ревностным усердия зрением ...vidum — attentiore mentis oculo... contemplatur

видим умными очами — animi oculis contuemur

изображается в их мыслях — illis ante oculos versatur

Все могут увидеть (*spectant omnes*) — описание через зрение создает большую достоверность события; видна радость в глазах Елизаветы Петровны, которыми она *взирает на своих подданных (laetissimis oculis videt)*, и обращенный на подданных взор императрицы — признак заботы и покровительства. Если «человеческие силы» не позволяют обозреть все, тогда мы «видим умными очами», т. е. прозреваем и способны представить себе дальнейшее описание; то, что «изображается в мыслях», на самом деле — *ante oculos*.

В русском тексте фраз со значением видения больше, например: *с удивлением взирает — miratur, мысленный взор — animus noster, радостному взору нашему — nos, пример к утверждению в православии vidum — verae devotionis instar in Illa coram constitutum habet* и др. Духовное зрительное восприятие и стремление к провидению было основой житий монахов-аскетов, и Ломоносов употреблял в своих сочинениях устойчивые сочетания церковнославянского языка из этих текстов¹⁶.

Тропы и фигуры, украшающие русский текст «Слова», повторяются в его латинском варианте. Так, многочисленны повторы в русском тексте и в латинской версии: *где — ubi* (4 раза), *разный — diversus* (6 раз), *единый — unus* (3 раза), *на нем — ex hoc* (4 раза), *так и толь* (4 р. и 1 р.) — *sic* (5 раз), повторяющиеся прилагательные и числительные — примеры полиптота. Одной из впечатляющих фигур является анафорический повтор: *приносится благодарение — aguntur gratiae*. Семикратное повторение, как будто нарастающее с каждым новым фактом (за заботу о храмах, за победы над врагами, за прощение преступников, за открытие новых учреждений, за снисхождение к подданным, за бескровную политику, за помощь нуждающимся и заслужившим награды), звучит подобно праздничной молитве. Это *gratiarum actio* Ломоносова — благодарность за деятельное участие в судьбе жителей государства, милость и доброту императрицы (ср. в «Панегирике»

¹⁶ Например, о церковнославянских сочетаниях «восхищение ума», «умные очи», «мысленные очи» и др. см. Sharikhina 2020: 816–836.

Плиний Младший благодарит Траяна за назначение его консулом по традиции, уходящей корнями в республиканский Рим; три речи в сборнике галльских панегириков также являются благодарственными, в них авторы благодарят своего императора за назначение на пост или получение звания, в *Pan. Lat. VIII* автор благодарит Константина за благодеяния по отношению к жителям города Августодуна (Shabaga 2016: 23)).

Церковнославянские слова встречаются в «Слове» как признак высокого стиля. Аллюзии на цитаты из Священного Писания, вложенные в уста произносящей речь Церкви, в латинском переводе, как правило, не заимствованы из текста Вульгаты, например:

возносит рог / auget dignitatem — cp. exaltabitur cornu ejus (Ps 88, 25)¹⁷;

утверждает столпы / firmat columnas — cp.: confirmavi columnas (Ps 74, 4);

посещает меня посещением / visitat me (devotissima) visitatione — cp.: Deus visitabit vos (Gen 50, 24–25);

силою твоею свыше оцени / virtute tua desuper tuere — cp. virtus Altissimi obumbrabit tibi (Luc I, 35);

коль благороден есть корень, от которого сей насажденный добродетельми виноград произраши процветает / quam nobili stirpe tanta laudum seges sit procreata — cp. Locutaque sunt ligna ad vitem: Veni, et impera nobis (Jud. IX, 12)¹⁸.

Стиль и слог Священного Писания сохранены в русском тексте, в латинском переводе точные параллели из Вульгаты Иеронима отсутствуют, вероятно, этим подчеркивается, что латынь не была языком русской Церкви¹⁹.

¹⁷ В автопереводе залог глагола одинаков, а субъектом является сама императрица: она «возносит рог мой <т. е. Церкви> в поднебесной», в примере из псалма сказуемое стоит в медиальном залоге, подлежащим является рог: «Моим именем возвысится рог его».

¹⁸ Ср. также отмеченные М. Сухомлиновым другие примеры в тексте: Sukhomlinov 1898: прим. 289, 291–293.

¹⁹ Любопытно, что В. Третьяковский в переводе на латинский язык панегирика Амвросия (Юшкевича) цитировал прямые цитаты из Библии по каноническому переводу блаженного Иеронима, а если русский текст не соответствовал цитате из Писания, то и переводчик отходил от цитирования, переводя собственно слова проповедника. В этих случаях заметно, что переводчик не пытается создать свой текст под стать каноническому переводу и намеренно использует другую лексику даже для повторяющихся слов (Ambrosius 1739: 4)

Я. М. Боровский сделал наблюдение о том, что русский текст — как будто перевод с латыни²⁰, некоторые отдельные фразы действительно напоминают дословный перевод, например: «на реках, изобилием протекающих между веселящимися берегами». *Vesелящиеся берега* значит «изобильные, процветающие» (Sl. RYa XI–XVII vv.: 111), прямым эквивалентом глаголу *veselится* в этом значении является лат. *gaudeo*, приобретающее в Новое время значение *иметь в изобилии, обладать* (ThLL: Vol. VI.2, 1708–1709), однако в латинской версии текст выглядит так: *inter amnes, amoenissimas ripas ditissimis undis interfluentes* (букв. «на реках, изобильными волнами протекающих вдоль прекрасных берегов»). Таким образом, русский текст как будто является калькой несуществующего латинского текста, при этом его латинская версия существует параллельно, не уходя от содержания русского варианта.

Хотя в некоторых местах Ломоносов бесспорно опирается на работы римских писателей и использует определённые лексические клише (см., например, приведённую М. Сухомлиновым параллель с текстом «Панегирика» Плиния (Sukhomlinov 1898: прим. 320)), другие примеры выражений, обнаруженные исследователями как переводы с латыни из античных авторов²¹, переложены автором так, что в переводе обратно на латынь они не имеют ничего общего с оригиналом, кроме самой темы, например:

Напротив того, кто древа плодоносная и процветающая травы в пристойное время орошает, презирая плевы и токмо прохождением попирая, тот насладится изобилием древ плодоносных и красотою цветов возвеселится, которые усилившись иссушат тучность и соки негодных и вредных прозябений, прекратится тех ращение и корень истлеет — contra qui fructiferas arbores et nascentes flores humore perspergere tempestive studet, despiciendo lolium, et transitu solum calcando, is ex floribus voluptatem, ex fructibus utilitatem capiet, cum fructuosae interim arbores auctis suis viribus succum et nutrimentum noxiis germinibus subducant, ariditate ac putredine ab stirpe interituris.

²⁰ Латинский язык в России XVIII в. — язык теории и язык-модель, см. также недавнее исследование Kislova 2018: 207.

²¹ Примеры-параллели из Цицерона, Плиния и Сенеки собраны у Сухомлинова: Sukhomlinov 1898: прим., 288–298).

Для этого примера Сухомлинов указывает на место из *De clementia* Луция Аннея Сенеки, однако фрагменты имеют только общее содержание, в отношении лексики здесь нельзя заметить заимствования, ср.:

[sapiens] agricolas bonos imitabitur, qui non tantum rectas procerasque arbores colunt: illis quoque, quas aliqua depravavit causa, adminicula quibus dirigantur adplicant, alias circumcidunt, ne proceritatem rami premant, quasdam infirmas vitioloci nutriunt, quibusdam aliena umbra laborantibus coelum aperiunt (Sen. Clem. II, 7, 4: «[разумный человек] подобен хорошим земледельцам, которые выращивают не только прямые и высокие деревья, но также прилаживают подпорки к тем, которые согнула некая болезнь, чтобы их выпрямить. Иные они подрезают, чтобы ветви не мешали росту; какие-то ослабленные деревья, посаженные в неудачном месте, они подкармливают; другим, мучающимся в тени чужой листвы, открывают небо» — перевод С. Д., А. С.).

Итак, сопоставление текстов автоперевода Ломоносова показывает, что при эквивалентной тактике перевода в условиях различия на грамматическом уровне автору удается подобрать эквивалент каждому значимому слову. Мастерство и талант автора проявляются в создании панегирика для двух разных аудиторий — российской (восточной), которую, главным образом, представляет Елизавета Петровна, и иностранной (западной) — в лице приглашенных ученых и государственных деятелей. Оба текста — это образцы языка XVIII века, различия и лексические расхождения являются результатом работы автора, задачей которого было прославить императрицу на весь европейский просвещенный мир и, показать «великолепие», «живость», «крепость» и «нежность» русского языка, о котором именно так говорит Ломоносов позже в предисловии к «Российской грамматике» (Lomonosov 1952: 7, 391–392), в связи с чем латинско-русское двуязычие в литературе скоро перестало быть актуальным.

Литература

Ambrosius (Yushkevich) 1739: *Bozhie blagoslovenie v prirodnyh trekh sokrovishchah eya vysochestva gosudaryni princassy Anny i svetlejshago knyazya i gosudarya Antona Ulriha gercoga Braunshvejgskago i Linesburgskago: Prebyvayushchee v den' zhe*

- vysochajshago brachnago ih sochetaniya iyulya 3 1739 goda* [God's blessing in three natural treasures of Her Highness princess Anna and His Serene Highness duke Anthony Ulrich of Brunswick-Lüneburg: Dwelling on the day of their sublime nuptials on the 3rd of July, 1739] / transl. to Latin by V. Trediakovskiy. [St. Petersburg]: printed at the Imperial Academy of Sciences.
- Амвросий (Юшкевич) 1739: *Божие благословение в природных трех сокровищах ея высочества государыни принцессы Анны и светлейшаго князя и государя Антона Улриха герцога Брауншвейгскаго и Линесбургскаго: Пребывающее в день же высочайшаго брачнаго их сочетания июля 3 1739 года* / Пер. на лат. В. Тредиаковский. [Санкт-Петербург]: печатано при Императорской Академии наук.
- Borovsky, Ia. M. 2009: *Latinskij yazyk Lomonosova* [Lomonov's Latin Language]. *Opera philologica*. Ed. by A. K. Gavrilov, V. V. Zelchenko, T. V. Shaburina. SPb, 316–326.
- Боровский Я. М. 2009: Латинский язык Ломоносова [1960]. *Opera philologica*. Изд. подгот. А. К. Гаврилов, В. В. Зельченко, Т. В. Шабурина. СПб, 316–326.
- Budilovich, A. V. 1869: *M. V. Lomonosov, kak naturalist i filolog. S prilozheniyami, soderzhashchimi materialy dlya ob'yasneniya ego sochinenij po teorii yazyka i slovesnosti* [M. V. Lomonosov as a natural scientist and philologist. With appendices containing materials for explanation of his writings on the theory of language and philology]. SPb.
- Будилович, А. М. 1869: М. В. Ломоносов, как натуралист и филолог. С приложениями, содержащими материалы для объяснения его сочинений по теории языка и словесности. СПб.
- Du Cange 1883–1887: *Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Niort: L. Favre. <http://ducange.enc.sorbonne.fr>.
- GMLS 1968: *Glossarium Mediae Latinitatis Sueciae*. Confecit Ulla Westerbergh. Stockholm, Almqvist & Wiksell.
- Hoven, R. 2006 (1994): *Lexique de la prose latine de la Renaissance*. Leiden, Boston: Brill.
- Kachenovsky, M. T. 1812: *Razsuzhdenie o Pohval'nyh slovah Lomonosova* [Deliberation on Lomonosov's Panegyrics]. *Trudy obshchestva lyubitelej rossijskoj slovesnosti pri imperatorskom moskovskom universitete* [Writings of The Society of Lovers of Russian Literature at the Imperial Moscow University]. Part 3. Moscow, 70–103.
- Каченовский М. Т. 1812: Разсуждение о Похвальных словах Ломоносова. *Труды общества любителей российской словесности при императорском московском университете*. Ч. №3. Москва: В Университетской Типографии, 70–103.
- Kislova, E. 2018: Latin as the Language of the Orthodox Clergy in Eighteenth-century Russia. In: *Language Choice in Enlightenment Europe. Education, Sociability, and Governance*. Ed. by VI. Rjéoutski, W. Frijhoff. Amsterdam: Amsterdam University Press, 191–224.
- Klein, I. 2015: [Praising the Ruler: Panegyric Poetry and Russian Absolutism]. *Slověne*, №2, 36–71.

- Клейн, И. 2015: Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм. *Slověne*, №2, 36–71.
- Kostin, A. A. 2014: “Slovo pohval’noe...” i “Panegyricus Elisabetae” [“Panegyric...” and “Panegyricus Elisabetae”]. *Toronto Slavic Quarterly*. №47, 9–23.
- Костин, А. А. 2014: «Слово похвальное...» и «Panegyricus Elisabetae». *Toronto Slavic Quarterly*. №47, 9–23.
- Lomonosov 1950–1983: *Polnoye sobranie sochineniy* [Complete Works: in 11 volumes. Vol. 3]. Moscow, Leningrad.
- Ломоносов 1950–1983: *Полное собрание сочинений*: В 11 т. М.; Л.: Наука.
- Materialy 1897: *Materialy dl’a istorii Imperatorskoy akademii nauk* [Data for the Imperial Academy of Sciences history]. Т. 9. SPb.
- Материалы 1897: Материалы для истории Императорский Академии наук. Т. 9 (1748–1749 (январь–май)). СПб.: Тип. ИАН.
- Materialy 1900: *Materialy dl’a istorii Imperatorskoy akademii nauk* [Data for the Imperial Academy of Sciences history]. Т. 10. SPb.
- Материалы 1900: Материалы для истории Императорский Академии наук. Т. 10 (1749 (июнь–декабрь)–1750). СПб.: Тип. ИАН.
- Matveev, E. M. 2009: [Russian oratorical prose of the middle of XVIII century: a panegyric in the secular and spiritual literature]. SPb.
- Матвеев, Е. М. 2009: *Русская ораторская проза середины XVIII века: (Панегирик в светской и духовной литературе)*. СПб.: Ф-т филологии и искусств.
- OLD 1968: *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Clarendon Press.
- Panegyricus 2016: Panegyricus Elisabetae. *Klassicheskaya filologiya v kontekste mirovoy kultury* [Classical philology in the world culture context–IX]. Moscow, 87–104.
- Panegyricus 2016: Panegyricus Elisabetae. *Классическая филология в контексте мировой культуры — IX*. М., 87–104.
- Protokoly 1899: *Protokoly zasedaniy Konferentsii Imperatorskoy Akademii nauk s 1725 po 1803 goda* [The record of the Proceedings of the Imperial Academy of Sciences Conference from 1725 to 1803]. Т. 2. SPb.
- Протоколы 1899: *Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года*. Т. 2: 1744–1770. СПб.: Тип. ИАН.
- PSZRI 1830: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Т. XII. SPb.
- PSZRI 1830: *Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XII. 1744–1748*. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии.
- Seneca 2009: *De Clementia*. Ed. S. Braund. N. Y., Oxford: Oxford University Press.
- Sharikhina, M. G. 2020: [Rapture in the poetic language of M. V. Lomonosov and in Menology of Dimitri Rostovsky (to the question of the Church Slavonic substrate of the odic rapture)]. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. 16. 3, 816–836.

- Шарихина М. Г. 2020: Восторг в поэтическом языке М. В. Ломоносова и в Четврых Минях Дмитрия Ростовского. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. 16. 3, 816–836.
- Shabaga, I. Yu. 2016: Latinskie panegiriki [*Latin Panegyrics*]. *XII panegyrici latini*. Moscow.
- Шабага И. Ю. 2016: *Латинские панегирики. XII panegyrici latini*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Sl. RYa XI–XVII vv.: Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Vol. 2. Moscow, 1975.
- Сл. РЯ XI–XVII вв.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. Москва, 1975.
- Smirnova, A. S. 2020: Neo-Latin and Russian in Mikhail V. Lomonosov's *Panegyric for Elizaveta Petrovna* (1749). *Acta Conventus Neo-Latini Albasitensis*. Vol. 17. 562–575.
DOI: https://doi.org/10.1163/9789004427105_045
- Sukhomlinov, M. I. 1898: *Sochineniya M. V. Lomonosova s ob'yasnitel'nymi primechaniyami akademika M. I. Sukhomlinova* [*Lomonosov's Works with Notes of M. I. Sukhomlinov*]. Vol. 4. St. Petersburg.
- Сухомлинов, М. И. 1898: Сухомлинов М. И. Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова. Т. 4. СПб.: Императорская Академия наук.
- ThLL: Thesaurus Linguae Latinae. Berlin: De Gruyter, 1900–.